

Двадцатого числа в деревне случилось происшествие: к кому-то забрался вор.

Он украл курицу у жившей по соседству тётушки Ли и одну утку у старосты.

Посреди ночи закричали куры и утки, вслед за ними залаяли собаки.

Тётушка Ли проснулась, вышла во двор, увидела, что курицы нет, и принялась причитать на всю округу. Проснулась и Чжоу Чуньфан.

Но жена старосты оказалась ещё яростнее. Её пронзительные ругательства разносились так далеко, что Чэнь Е, живший в середине деревни, слышал их из самого начала деревни.

— Чтоб тебе башку снесло, бесстыжая тварь! До моего дома воровать добрался?! Я тебе промежность раздеру!

— Сукин сын, верни мою утку! Не вернёшь — чтоб тебя несчастья сгноили, ублюдка!

...

Уши Чэнь Е захлебнулись бранью. В какой-то момент в голове у него остались только половые органы и чьи-то матери. Он никак не мог понять, почему в ругани постоянно поминают мать.

Ци Хэ закрыл ему уши ладонями:

— Не слушай.

В общей комнате зажёгся свет. Сяо Дэ накинул армейское пальто и вышел во двор проверить, всё ли у них на месте.

Через некоторое время шум стих. Мир снова успокоился, даже собаки перестали лаять.

На следующий день Чжан Лань заставила Сяо Дэ укрепить клетки для кур и кроликов. Собаки у них не было, так что, если вор решит забраться во двор, предупредить будет некому.

Обычно вору промышляли на праздники, когда вокруг было много суеты. Этот же оказался странным: ни праздника, ни Нового года, а уже полез красть.

Вскоре Чэнь Е услышал, что вора поймали.

Староста вместе с несколькими жителями связал его и заставил на коленях стоять на

деревенской площади перед всеми.

Чжан Лань потащила всю семью смотреть. Чэнь Е увидел стоявшего на коленях воришку: совсем молодой, на вид подросток.

Лицо желтоватое, тело худое, губы сухие и мертвенно-бледные, глаза потухшие.

На лице было столько синяков и кровоподтёков, что черты почти не различались. В уголке рта виднелась кровь — то ли от побоев, то ли от повреждения внутренних органов.

Одни жители смотрели на него с ненавистью и отвращением — это были те, у кого что-то украли. Другие просто пришли поглазеть, стояли с арахисом и семечками и обсуждали случившееся.

Вор опустил голову от стыда. Сейчас он будто стоял здесь раздетым догола: любой мог его оскорбить, любой — пнуть.

Чэнь Е заметил кровь на его одежде. Её было немного, но она явно не стекла с ран на лице.

— Откуда кровь на одежде?

Чжан Лань ответила:

— Живот шипами искололи. Староста вчера ночью с людьми караулил у курятника, поймал его и немного проучил.

Чэнь Е не сразу понял:

— Шипами? Какими шипами?

— С апельсинового дерева, — безразлично ответила Чжан Лань, словно самосуд был самым обычным делом.

— Человеком надо быть честным: что один — то один, что два — то два. Воровать нельзя. Видишь, получил по заслугам? — Она посмотрела на Чэнь Е и Сяо Тяньцы. — Вы двое запомните: хоть совсем обнищайте — не воруйте. Живите по совести, иначе вот что будет.

Стоявшие рядом похвалили Чжан Лань за то, как хорошо она воспитывает детей. В её взгляде мелькнула гордость.

Чэнь Е сразу вспомнил пяти-шестисантиметровые шипы на апельсиновых деревьях за горой, и

по спине почему-то пробежал холодок.

Потом вспомнилась обычно добрая и приветливая жена старосты, и возникло странное чувство несоответствия. Эти люди были простыми и искренними, но порой в их простоте смешивались жестокость и невежество.

Раньше в деревнях плохо знали законы. Того, кто провинился, не отдавали полиции, а наказывали своими способами.

И очень часто наказание было тяжелее самого проступка. Изменившую мужу женщину могли запереть в плетёной клетке и утопить, а непослушного ребёнка родители могли случайно избить до тяжёлых травм.

В деревне жил старый хромым: в детстве он ослушался отца, и тот сгоряча ударил его табуретом, сломав ногу.

Вскоре приехали родители подростка из соседней деревни. Им было стыдно, поэтому они поспешно увели сына.

По дороге домой Ци Хэ держал Чэнь Е за руку. Заметив, что тот побледнел, он нахмурился:

— Испугался?

— Немного тяжело на душе.

До перемещения Чэнь Е всю жизнь прожил в обществе с устоявшейся правовой системой. Увидев такую кровавую расправу, он не мог сразу от неё отойти.

Ци Хэ о чём-то подумал, и его взгляд стал решительным:

— Не бойся. Старший брат защитит тебя.

Если их отношения раскроются в деревне, последствия могут оказаться ещё страшнее, чем для этого воришки. Мысль окончательно укрепила Ци Хэ в решении забрать Чэнь Е отсюда.

Чэнь Е улыбнулся:

— Я верю старшему брату.